

**КАК МЫ
ПИШЕМ**

В дни работы XXVI съезда КПСС по всей стране проходили творческие встречи писателей со своими читателями. Один из таких литературных вечеров состоялся в актовом зале Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Народный поэт Кабардино-Балкарии Алим Кешоков рассказал о себе, ответил на многие многочисленные вопросы читателей. На встрече побывал корреспондент «Литературной России», который записал фрагменты беседы А. Кешокова с читателями.

Алим КЕШОКОВ

«ЧТОБЫ СЛИВАЛИСЬ ИСТИНА И СЛОВО...»

Чтобы сливались истина и слово, как лезвия кинжала одного.

Отмечая недавно юбилей украинского поэта Павла Тычины, не раз и не два вспоминалась его крылатая строка: «Чувство семьи единой». Чем, на ваш взгляд, замечательно это чувство, обретающее в наше время глубоко символическое значение?

— Встретившись в Казани с татарским, марийским и чувашским переводчиками своего стихотворения «Левый марш», Владимир Маяковский писал, что у него было ощущение, будто собственной рукой он ошупывал «бестелое слово» («политика»). Ему довелось воочию увидеть, как некогда отсталые народы идут «на штурм, на камень, на крепость культур», то есть включаются в политическую и духовную жизнь страны. А вспомнив его же стихотворение «Владикавказ — Тифлис», в котором поэт обращается к Грузии, восторженной и взрастившей его. Или стихи «Долг Украине», проникнутые искренней любовью, нежностью к этой земле. Лирический герой Маяковского обладает характером бойца, последовательного интернационалиста, едва ли не первым в советской литературе ощутившего потребность сказать в полный голос о «чувстве семьи единой» в Советской стране.

Позже напишет свои знаменитые грузинские стихи Николай Тихонов. Украинец Андрей Малышко обратится с поэтическим посланием к Александру Твардовскому. Кайсын Кулиев поведает нам рассказ из жизни народов-соседей, когда во время зимних выюг на перевале балкарец спешит на помощь терпящему бедствие свану, а сван — к балкарцу. Расул Гамазатов обратится с братским посланием к Мустаю Кариму...

Замечательно написал Эдуард Межелайтис: «Где бы в человека ни стреляли, пули — все! — мне в сердце попадали». В этих чеканных строках — золотые россыпи души его героя, воплощающего поистине драгоценное чувство ответственности за все, что происходит в нашем едином социалистическом общечеловеческом мире. Тропинку к сердцу каждого найдут и известная поэтическая формула Ираклия Абашидзе: «Сто языков различного звучания в язык свободы объединены».

— Что нового, интересного внес ваш родной кабардинский народ в «стоящее звучание» советской литературы?

— С той поры, как была вспахана литературная целина в Кабарде, прошло более полувека. В могучую реку советской литературы влился родниковый поток с гор. Однако всходы не дали бы плодов, если бы были брошены на пустое поле. Великолепные образцы кабардинского эпоса народ хранил и передавал из поколения в поколение. В то же время фольклор — основа, колыбель, праматерь литературы, но не сама литература. Рядом с молодыми, поднимающимися национальными литературами была русская — одна из самых гуманистических, демократических и высокохудожественных в мире. И она оказала и оказывает действительное влияние на весь мировоззренческий и художественный строй литератур других народов страны.

Распахивать целину, идти нехоженой тропой трудно. Вот хотя бы один из примеров — моя работа над диалогией «Вершины не спят», посвященной истории кабардинского народа, его борьбе за претворение в жизнь идей Советской власти. Чтобы попытаться внести свой стих в художественную летопись народа, необходимо доскональное знание его быта, человеческих характеров и судеб. В моих книгах нет вымышленных героев. Они жили в то далекое время рядом со мной, в других аулах, по всей Кабарде. Поэтому нетрудно было создать такой аул, в котором наиболее полно отражались бы события

и проявления человеческих характеров, как аул Шхальмизово. — Вы, видимо, не случайно обратились к историческим темам. Они сами по себе специфичны для всех молодых литератур, в том числе и для литературы Кабардино-Балкарии. Каково ваше понимание различий между художественной литературой и документальной?

— Я бы ответил так: молодость литературы — а литературы народов Северного Кавказа, несомненно, молоды — подразумевает молодость читателя, который порой в силу отсутствия должного читательского опыта, правильного понимания природы художественного творчества, его особенностей не делает различия между произведениями художественной литературы и документальными очерками. Порой мы слышим такие беспочвенные мнения: этот герой был не таким, события происходили не в этом ауле... Я в таких случаях всегда ссылаюсь на слова А. Н. Толстого: «Я бы очень сожалел, если бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или иное действительное лицо».

Труднее всего материал собирать. Я много путешествовал и раньше, и сейчас. А дорога, как сказал один мудрец, хороша встречами. Любого человек, кем бы он ни был, интересен, самобытен. Из суммы таких встреч, знакомств и рождаются герои моих романов. Они действуют в реальной обстановке своего времени, это исторические персонажи, ибо сама история представляет собой пережитые нами мгновения, на которые мы смотрим с некоторого удаления...

У меня свой взгляд на жизнь, на поведение человека в его героические моменты, в момент свершения исторического подвига, каким стала для страны Великая Отечественная война. Не только для нашего — для многих народов война стала настоящим горным образованием, вынесшим на поверхность столько пепла и минералов, что из них возникла грандиозная панорама горных вершин.

Если ты именуешься писателем, ты должен сказать о драматических условиях, в которых свершался подвиг, не можешь игнорировать историческую действительность, создавать облегченные литературные образы. Я против розовых красок, против бесконфликтности.

Вспоминаю август 1942-го, когда я находился в оперативной группе штаба кавалерийской дивизии. Мне предложили взглянуть «писательским глазом» — мое командование знало, что я пишу стихи, — на один документ. В нем по часам, буквально по минутам прослеживался краткий, но драматический путь дивизии, от которой осталось всего триста шестьдесят пять человек. И тогда я подумал: «365-й — это я». — и дал мысленно клятву: «Останусь в живых — обязательно поведаю потомству об этих днях».

И только спустя три десятилетия, накопив определенный

творческий опыт, я написал роман «Сломанная подкова». Не написать его я не мог, ибо сам был живым свидетелем трагических событий в истории народа. Их правдивое изображение поможет, я в этом уверен, будущему поколению воздать должное бессмертному подвигу своих отцов.

Труд писателя сродни труду скульптора. Для литератора жизненный опыт — сама глыба, от которой отсекается все лишнее, но и которую наращивают, если в том есть необходимость. Заранее никто не скажет, какая пропорция явит собой наиболее счастливое соединение опыта и вымысла.

— Алим Пшемахович, в последнее время вышло около тридцати ваших поэтических сборников. Каково место занимают стихи в вашем творчестве? Как «совмещаете» вы в себе поэта, прозаика, критика и публициста?

— Не открою Америки, если скажу, что поэтическое творчество и работа прозаика различны имеют. Сам себя я считаю поэтом и с гордостью ношу звание народного поэта Кабардино-Балкарии. В целом же творческий процесс един и неделим. Мера ответственности поэта перед теми, кому предначинаны его стихи, я однажды попытался выразить так:

*Коль слово
древней остального на свете
И хлеб вековечен
под желтой луной,
Любой землешаец
пред полем в ответе,
Любой стихотворец —
пред целой страной.*

Встречаясь с читателями, узнаешь иногда интересные вещи: кто-то любит твои стихи и не знает о романах, другой — наоборот... Иногда бывает и такое: подходят, благодарят за услышанные строки и искренне признаются, что раньше ничего не читали, а если попадалась какая-то из книг, думали: «Купить или не купить?»

— Каково значение имеют для вас встречи с читателями, общение с ними новых произведений?

— Такие вещи для меня всегда были и остаются большим событием. Ведь когда полностью отдаешь себя своему делу, как приятно пожинать плоды творчества — принимать слова благодарности от людей. Как-то раз после одной из таких встреч — обсуждался роман «Чуждое мгновение» — ко мне подошла пожилая женщина: «Слушала тебя и думала: вот кто сидит у нашего очага, следит за огнем родного языка, чтобы не потухал он. Это не чинара горит в пламени... Сидеть у очага держателем огня — нет более светлого удела».

«Держатель огня» — высокий долг. А потом скажу, что литературные вечера — особый вариант познания друг друга для писателя и читателя.

— Ваш взгляд на творческие отношения между автором и переводчиком?

— Вот стихи
*Мерцает сталь холодная
суроза,
И я желаю более всего,*

Вы слышите и произносите эти строчки по-русски. Я во многом обязан тем, благодаря чьим усилиям поэзию моей души могут услышать все народы нашей необъятной Родины. Это в первую очередь переводчики Яков Козловский и Наум Гребнев. Мои прозаические произведения переводил Владимир Солоухин.

С песен я начинал. То были не совсем, может, удачные опыты молодого поэта. Теперь русские переводы моих стихов вызвали интерес у современных композиторов. С удовольствием слушаю произведения Эдуарда Колмановского — думаю, что нашему с ним содружеству положено только начало.

— Алим Пшемахович, работать вам приходится много. Помимо творческих нагрузок, вы еще секретарь правления Союза писателей СССР, председатель правления Литературного фонда СССР. Неужели на все хватает времени?

— Другой жизни, увы, предать себе не могу. С гордостью несу вот уже десять лет «интендантскую» службу советской литературы. Разумеется, служебная работа поглощает массу времени, но с самых первых дней самостоятельной жизни я никогда не испытывал удовлетворения ролью «свободного художника». Партия направляла меня на руководящие посты министра просвещения, секретаря обкома КПСС, заместителя Председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР. Всюду хлопоты службы я совмещал с творческим сосредоточением. Ибо оно для меня — физическая потребность, как и потребность ходить, дышать, спать или пить. Считаю так: в какие бы условия ни попадал творческий человек, он должен писать.

— Ваши творческие планы на ближайшее будущее?

— С сентябрьской книжки журнала «Дружба народов» начнет печататься мой новый роман «Сабла для эмира». Несколько слов об этом произведении. Действие развивается в период, предшествовавший образованию Кабардино-Балкарской автономии, когда шла борьба не на жизнь, а на смерть между враждующими классами общества. Я использовал малоизвестный исторический материал. Ну, а окончательное мнение о романе — за читателями.

Как видите, почти все мои прозаические произведения посвящены истории. Они — скромный вклад писателя в художественную летопись народов моей республики.

Уже есть замысел нового романа, готовы даже некоторые черновые наброски. Пишу и стихи. Хочется верить, что впереди долгая дорога, новые горизонты. Хотя, заглядывая в завтра, в моем возрасте считают лишь годы. Но как бы там ни было, хочу быть участником всех, непременно всех, событий нашего прекрасного настоящего и будущего.

Беседу записал
Владимир КОВАЛЕВ